

Сергей ФЕСЕНКО

г. Воронеж

тайна ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Следствия из «Горькой теоремы» Андрея Паршева

Безусловно, экономика – сложнейшая наука. В ней существуют различные школы и направления, дающие порой как очень различные объяснения уже свершившимся в экономической жизни фактам, явлениям и процессам, так и различные прогнозы и рекомендации по принятию тех или иных мер в экономической политике.

Наиболее популярные экономические теории изложены в многотомных трудах, с использованием нередко огромного количества фактического материала, сложного математического аппарата, графиков, таблиц и т.д.

Между сторонниками этих теорий ведутся жаркие споры, а нередко – и острая политическая борьба. Но при этом у многих из них есть одна черта – они носят общий, абстрактный характер, явно или не явно претендуя на универсальность своих выводов. И хотя это является нормальным для любой науки, иногда в той же экономике возникает необходимость взглянуть на её состояние и происходящие в ней процессы с противоположной точки зрения, проанализировав уникальные особенности конкретной экономической среды, делающие невозможным в её условиях использование рекомендаций универсальных, хотя и подтверждённых опытом многих стран, экономических теорий. И, несмотря на то что подобное изложение может быть неизмеримо короче, проще и нагляднее, его практическая значимость способна оказаться даже значительно ценнее, чем вышеупомянутые общие экономические теории, созданные иногда нобелевскими лауреатами.

* * *

Важнейшим примером подобного подхода к анализу состояния и перспектив российской экономики постсоветского периода явилась написанная в уже далёком 1996 году, но нисколько не потерявшая своей актуальности и сегодня, статья Андрея Паршева «Горькая теорема». Более того, следствия, вытекающие из приведённого в его статье короткого списка, казалось бы, достаточно простых и всем известных фактов и явлений, настолько многообразны и важны для понимания экономических и политических процессов в России и вокруг неё, что напоминают собой пути построения естественных наук, особенно – математики. Как известно, всё её бесконечное по объёму и сложности здание строится методом всё более сложных логических выводов из первоначально всего лишь нескольких аксиом, крайне простых, очевидных и принимаемых без доказательств.

* * *

Суть «Горькой теоремы» Паршева, на первый взгляд, очень проста и вытекает из географических и климатических условий нашей страны. Условий, уникальных по своей неблагоприятности для экономического развития в начавшуюся примерно полвека назад эпоху глобализации.

Хотя прекрасная природа России, её климат со всеми четырьмя ярко выраженными временами года по своему влиянию на психику, менталитет, физическое и духовное здоровье для людей, здесь родившихся, часто представляются (да и являются) почти идеальными, для экономики всё обстоит диаметрально противоположным образом.

В условиях континентального климата большая часть

пахотных земель России находится в зоне рискованного земледелия. Необходимый баланс солнца, тепла и влаги в этих условиях постоянно нарушается то в одну, то в другую сторону, что одинаково губительно для урожая. Для сравнения: практически вся Западная Европа находится либо гораздо южнее (Средиземноморье), либо (на Западе и Северо-Западе) испытывает на себе мощнейшее влияние тёплого атлантического течения Гольфстрим, делающего климат теплым, мягким и влажным даже на тех широтах, где в России вечная мерзлота. Примеры: порт Одесса обычно замерзает зимой на три месяца, а порт Мурманск благодаря Гольфстриму не замерзает круглый год; урожайность зерновых на юге Швеции – более 60 ц/га, что выше, чем у нас на Кубани, тем более – по России в целом.

Про другие, более южные регионы планеты, где снимают более одного урожая в год, можно и не говорить.

Ежегодное (отсутствующее в Западной Европе, а тем более – в других регионах планеты) промерзание почвы зимой в России приводит к ускоренному разрушению покрытия автодорог, к необходимости при капитальном строительстве сооружения мощных фундаментов, что резко увеличивает его стоимость.

Затраты на рабочую силу должны включать в себя дополнительно (по сравнению с другими странами мира) расходы на тёплую одежду для зимы и более калорийное питание рабочих.

Отсутствие практически выхода к теплым морям и морским торговым путям, необходимость использования для транспортировки товаров, сырья, комплектующих и т.п. автомобильного и железнодорожного транспорта вместо значительно более дешёвого морского, в сочетании с огромными расстояниями, делает транспортные расходы непомерно большими.

На основании этих и многих других фактов (которые я приводить здесь не буду, а посоветую читателю ознакомиться с оригиналом статьи Андрея Паршева) автор приходит к неутешительному заключению: иностранные инвестиции в Россию в силу климатических и географических факторов всегда будут сопряжены с заметно большими издержками, чем практически в любую другую страну из разряда развивающихся. А именно последние являются сейчас главным магнитом для иностранных инвесторов, выводящих свои капиталы из развитых стран «золотого миллиарда» туда, где гораздо ниже уровень зарплат и прочих издержек.

То есть иностранные инвестиции в Россию практически невозможны. Поэтому их и нет на всём протяжении постсоветской истории России. (Следует уточнить, что любое утверждение, касающееся эко-

номических процессов и тенденций, нельзя воспринимать буквально. Конечно, иностранные инвестиции в Россию были, есть и будут. Всё дело в масштабах. Если мы сравним даже максимальную за какой-нибудь год величину этих инвестиций с величиной их в какую-нибудь небольшую развивающуюся страну, то мы увидим всю степень их несопоставимости.)

И название статьи – «Горькая теорема» как раз отражает вышеприведённое заключение.

* * *

Надо сказать, что до эпохи глобализации, начало которой относится приблизительно к 70-м годам 20-го века, страны мира развивались в основном не за счет иностранных инвестиций, а под влиянием других факторов, прежде всего внутренних, а порой и внешних. Несмотря на наличие тогда в мире традиционных экономических лидеров (Западная Европа и Северная Америка), занимавших эти позиции на протяжении как минимум нескольких столетий, успешное «догоняющее» развитие других, менее развитых стран ещё было возможно, хотя и представляло собой достаточно редкое явление.

Наиболее яркими примерами такого развития был стремительный промышленный рывок Японии во второй половине 19-го века и ускоренное развитие России после отмены крепостного права. В какой-то степени к этому ряду можно отнести и развитие советской экономики до 60-х годов 20-го века. Хотя социалистические основы данного развития, в конце концов, оказались его тормозом и причиной глубокого кризиса, а затем и краха советской экономики, повлекшего за собой распад страны.

В этот период вышеприведённые географические и климатические условия России, делающие производство товаров более затратным, практически не влияли на темпы и характер развития экономики. В дореволюционной России перед инвестором не стоял выбор, где разворачивать строительство заводов и фабрик – альтернатив своей стране тогда ещё не было. Внутренний рынок порождал спрос, промышленность его удовлетворяла. Более низкая себестоимость таких же товаров в какой-то другой стране ещё не создавала серьёзной конкуренции внутреннему производству из-за сложности и длительности процессов обмена информацией с зарубежными странами, взаимных визитов и переговоров, из-за длительности и дороговизны транспортировки товаров, высоких таможенных барьеров, а порой и политических факторов. Иностранные инвестиции если и имели место, то осуществлялись в форме кредитов и займов, а не в форме переноса производств и передовых технологий на территории других стран.

* * *

Всё стало стремительно меняться с началом эпохи глобализации, ставшей возможной благодаря достижениям научно-технической революции. Произошли радикальные изменения в области связи, скорости и дальности пассажирских перевозок, значительного повышения эффективности и удешевления транспортировки товаров, сырья и комплектующих, создания технологий производства, резко снижающих потребность в наличии высококвалифицированной рабочей силы. Последние позволили свести ручной труд к небольшому числу примитивных операций типа отвёрточной сборки в сочетании со значительно более широким применением робототехники и автоматизации производственных процессов. Плюс к этому всё большее число государств мира иногда добровольно, иногда под давлением развитых стран вступали во Всемирную торговую организацию (ВТО), членство в которой накладывает очень серьёзные ограничения на поддержку государствами своей экономики путём повышенных ввозных таможенных пошлин и субсидий внутренним производителям, делая внутренние рынки более открытыми.

Всё это дало возможность западным инвесторам в погоне за дополнительными прибылями размещать производства, в том числе высокотехнологические, в странах с низким уровнем оплаты труда и с низкими издержками производства в целом. И хотя подобные процессы поставили большой и жирный крест на ранее существовавшей возможности самостоятельного «догоняющего» развития отдельных стран, именно благодаря им возникли из экономического «небытия», совершив огромный рывок в промышленном и научно-техническом развитии, такие, ещё недавно казавшиеся бесконечно отсталыми, страны, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия и целый ряд других. И, конечно, первым в списке подобных государств является Китай.

Первоначально производство в таких странах целиком и полностью зависело от западных технологий и комплектующих и работало в основном на экспорт, в том числе в сами западные страны – источники инвестиций. Но со временем, по мере роста экономики, локализации производств, подготовки национальных кадров, частичного перехода собственности на новые предприятия к возникающим местным финансово-промышленным группам, эти предприятия, не порывая полностью «пуловину», связывающую их со странами – источниками технологий, начинали жить всё более самостоятельной жизнью. На базе привнесённых западных (прежде всего – американских) технологий стали развиваться собствен-

ные научно-технические исследования и выполнять технические и технологические разработки, порой не уступающие западным по качеству, но превосходящие их своей относительной дешевизной в промышленном производстве.

* * *

Конечно, неотъемлемым следствием такой ускоренной модели развития в условиях глобализации ранее отсталых государств являлась почти полная потеря ими своего суверенитета, превращение их в марионеток самой богатой и технически развитой страны мира – Соединённых Штатов Америки. Но для этих государств такая потеря представлялась вполне оправданной ценой за столь значительные темпы и масштабы экономического прогресса, которых при независимом развитии они вряд ли смогли бы когда-либо достичь. Подобных взглядов придерживались и многие представители политической элиты России после краха социалистической экономики и развала СССР. И не только политической элиты. Значительная часть населения России также была заражена этими настроениями. И если исходить из опыта успешных развивающихся стран, то в прежней, проводимой прозападными руководителями России политике бесконечных уступок Западу, стремления любой ценой снискать его расположение была своя логика. Они действительно считали, что на этом пути нас ждёт «российское экономическое чудо», построенное на огромных будущих инвестициях в нашу страну со стороны бизнеса государств Запада, с которым у нас уже нет идеологических противоречий.

Но на пути этих планов и расчётов встало непреодолимым препятствием банальное отсутствие заинтересованности бизнеса в инвестициях на территории России из-за огромных дополнительных, по сравнению с другими странами, издержек.

Безусловно, среди подобных либеральных и прозападных политиков было и есть немало абсолютно беспринципных деятелей, руководствующихся в своих действиях только материальной выгодой и находящих её в ориентации на богатого и сильного – на западных хозяев. Их вполне справедливо можно отнести к иностранным агентам влияния и даже предателям национальных интересов страны.

Но далеко не все из «либералов» руководствовались столь низкими мотивами. Некоторые действительно искренне верили в свои экономические рецепты для России, желая ей и её народу процветания, а отсутствие притока инвестиций пытались объяснить политическими трениями с Западом, вызванными, по их мнению, невыполнением руководством страны его требований по

дальнейшей «демократизации» политической жизни, борьбе с коррупцией и т.п.

Они действительно так считали. Но они ошибались, не желая отказываться от укоренившихся в их сознании догм о чудодейственной силе рыночных реформ при создании для этого политической среды, согласующейся с западными стандартами. Они не учитывали, что существуют условия, более объективные, чем политическая среда, способные делать инвестиции в ту или иную страну выгодными или не выгодными. Они не понимали, или не хотели понять, что требования Запада в части предварительного создания эффективного правового государства, как условия экономических реформ и инвестиций, являются не более чем политехнологией, способом давления на неугодные страны и предлогом для такого давления.

По сути же, здесь телега ставится впереди лошади: не построение правового государства (невозможное в бедных странах) является условием для экономического прогресса, а наоборот, экономический прогресс является условием и фундаментом, на котором только и может быть построено правовое государство. А лицемерие подобной постановки вопроса легко подтверждается огромным количеством примеров из области международных политических и экономических отношений новейшей истории: многочисленные случаи поддержки государствами Запада недемократических и коррумпированных режимов в мире, когда это им было выгодно – с одной стороны, и огромные потоки частных инвестиций в подобные страны, невзирая на их «коррупционность» и «недемократичность» – с другой стороны (конечно, при условии, что это чревато большими прибылями для инвесторов).

Вспомним, что, например, Южная Корея многие послевоенные десятилетия была вполне себе фашистским государством, будучи при этом крупным объектом американских и японских инвестиций, а демократия в ней установилась, в конце концов, именно под влиянием экономического роста, изменения социальной структуры общества, повышения жизненного уровня. А Китай? Едва ли его можно назвать страной, удовлетворяющей западные правовые стандарты. Но роль иностранных инвестиций в «китайском экономическом чуде» последних десятилетий была основополагающей.

Позиция другой группы либеральных политиков и экономистов была более основательной, хотя в конечном счёте тоже ошибочной. Они более спокойно относились к вопросам «дальнейшей демократизации» России, а главным механизмом по привлечению иностранных инвестиций справедливо (с точки зрения мирового опыта) считали членство страны в ВТО.

Дело в том, что прямые инвестиции в какую-либо страну, особенно на первом этапе, предполагают в основном вывоз произведённой продукции на экспорт в третьи страны и лишь в будущем, по мере развития экономики страны и её внутреннего рынка, частичную ориентацию на собственного потребителя. И чтобы исключить риск введения на подобный экспорт третьими странами высоких заградительных пошлин, страна – получатель инвестиций должна быть членом ВТО.

Однако, несмотря на абсолютную правильность таких доводов, на практике членство в ВТО оказалось лишь необходимым условием для притока инвестиций, но далеко не достаточным.

Для России вышерассмотренные географические «дефекты» в качестве отрицательного фактора оказались значительно сильнее, чем вступление в ВТО в качестве положительного.

В итоге, вступив в ВТО, Россия так и не дождалась промышленных инвестиций. Примеры строительства на нашей территории нескольких цехов по сборке иномарок из готовых иностранных машинокомплектов с крайне низкой степенью локализации производства, как и создание подобных производств в ряде других отраслей, таковыми не являются. Такие сборочные производства были рассчитаны лишь на внутреннюю реализацию, а не на экспорт, где их продукция была неконкурентоспособна. По существу, такие «инвестиции» явились замаскированной формой импорта.

Также никакой пользы российской экономике не приносил краткосрочный инвестиционный капитал, используемый западными игроками для спекуляций на российском фондовом рынке. Зато при вступлении в ВТО Россия вынуждена была взять на себя обязательства по открытию своего рынка для более дешёвых и качественных иностранных товаров, окончательно похоронив последние надежды на хотя бы частичное импортозамещение и развитие собственного производства. Любое производство в России не только для иностранного, но и для потенциального внутреннего инвестора стало совершенно невыгодным. Гораздо проще и дешевле оказывалось купить нужный товар по импорту за имеющуюся в стране в избытке иностранную валюту, полученную в основном от экспорта энергоносителей. В итоге жизнь показала, что вступление в ВТО было едва ли не самой большой ошибкой российского руководства за весь постсоветский период.

* * *

Невозможность существования в таких экономических условиях оставшегося от СССР производственного сектора наряду с отсутствием как внутрен-

них, так и внешних инвестиций в российскую экономику приводит к отраслевой её структуре, в которой огромную долю занимала и занимает торговля. Но, в отличие от производственного, торговый капитал в силу своих объективных особенностей является всегда и везде более криминализованной отраслью, а также отраслью, где наличие коррупционной составляющей оказывает на результат хозяйственной деятельности гораздо большее влияние, создание и поддержание коррупционных связей происходит на более низких уровнях государственного аппарата и носит в результате более массовый характер, а значит – и более вредный для общества.

С другой стороны, оставшиеся островки производственного сектора, инвестиционно непривлекательные для бизнеса, но жизненно важные для страны, вынуждено брать под своё управление государство, что также всегда и везде является коррупционно провоцирующим фактором. Таким образом, одной из важнейших причин коррупции в России является всё та же её инвестиционная непривлекательность.

Также господство на внутреннем рынке импортных товаров оказывает большое морально-психологическое давление на население, особенно – на молодёжь. Импорт в Россию даже самых простых товаров вызывает у значительной части населения, не слишком сведущей в экономике, чувство удивления и досады («неужели и такое у нас делать не умеют?»), переходящие постепенно в чувство неуважения и даже презрения к своей стране.

Преступное разрушение в самом начале постсоветского периода в ходе «реформ» прежней системы школьного образования, одной из лучших в мире, если не самой лучшей, в результате которого выпускники школ из всего множества предметов знают только английский язык и предмет, соответствующий выбранному профилю ЕГЭ (и это – в лучшем случае!), только усугубило процесс растущего космополитизма и прозападной ориентации в молодёжной среде.

Но практически полное отсутствие в России иностранных инвестиций – это огромная проблема не только для экономических и социальных процессов, идущих в нашей стране, но и для её международного положения. Попытаемся на минуту абстрагироваться от того факта, что мы – россияне, а посмотрим на ситуацию с позиций всего остального человечества, уже сейчас озабоченного проблемой грядущего дефицита невозобновляемых источников энергии. Какую же картину мы увидим? Мы увидим огромную по территории северную страну, богатую энергоносителями, в которой живёт 140 миллионов человек. Их жизнь (и даже выживание) в столь неблагоприятных, с точки зрения других народов, климатических усло-

виях возможна лишь за счёт огромного, по мировым меркам, потребления находящихся на их территории энергоносителей. Другую часть своих энергоресурсов они продают остальному человечеству, которое вынуждено их покупать по высоким ценам, взамен отдавая им продукты своего труда – ресурсы, которые вполнегодились бы этому самому человечеству, где имеется огромное количество и бедствующих, и голодающих, и прочих страждущих. Пусть бы ещё эта страна, в качестве компенсации за свою «энергетическую прожорливость», давала миру что-то важное для него: передовые технологии, товары, научные достижения в заметном количестве. Но ничего этого нет. Невольно у «человечества» закрадывается где-то в подсознании крамольная мысль: а зачем нам нужен этот народ со своим государством на такой территории? Может, лучше бы его там не было? От слова «совсем»? Или, будучи рассеянным и раздробленным (как когда-то евреи), он расселился бы по всему миру, ассимилировался на новых местах, а эта территория с её ресурсами управлялась бы и эксплуатировалась как-нибудь коллективно? Например, под управлением ООН?

Несмотря на, казалось бы, умозрительный характер подобных рассуждений, глубоко оскорбительный и враждебный для россиян, вины которых, конечно же, нет в том, что они, преодолевая невероятные трудности в своей истории, смогли выжить и сохранить свою государственность там и тогда, где это сумел бы сделать далеко не каждый народ, такого рода идеи уже открыто начали обсуждать на Западе. Прежде всего – в США. «Пионером» в провозглашении подобной концепции явился ныне покойный сенатор-республиканец Лугар. Он начал говорить об этом уже несколько десятилетий назад. В настоящее время у него появилось немало последователей. Конечно, на правительственном уровне эти вещи пока не произносятся. Слишком уж они выглядят преждевременными и нереалистичными, в условиях, когда у России, несмотря на её экономическую слабость, имеется мощный и современный ракетно-ядерный арсенал. Но ждать они умеют...

* * *

Разумеется, в действительности ни с каким «человечеством», ни с какой ООН делиться этой шкурой пока ещё не убитого медведя – территорией России – «сильные мира сего», Соединённые Штаты Америки не собираются. Они действуют по принятому в международных отношениях испокон веков принципу: сильный грабит слабого, а если нужно, то и уничтожает его. Серьёзным препятствием реализации этого принципа сегодня является всё та же глобализация. Она приводит к тому, что интересы

большого бизнеса Соединённых Штатов оказываются очень часто теснейшим образом, через вложенные инвестиции, связаны с экономической и политической стабильностью в стране, потенциальной жертве гегемонистских устремлений американского правительства, которое, испытывая давление своих «денежных мешков», вынуждено сдерживать себя в своих агрессивных устремлениях. И Россия, будучи слабой экономически и богатой территориями и их недрами, в качестве потенциального объекта экспансии не является здесь исключением.

Исключением она является лишь в смысле отсутствия у неё внутри США «союзников» в лице бизнеса, имеющего в России свои инвестиции в сколько-нибудь заметном по мировым меркам объёме. В качестве обратного примера можно привести Китай. Соединённые Штаты, преследуя свои экономические интересы в условиях глобализации, своими руками вырастили этого гиганта. Но начиная с некоторого момента стали пугаться перспектив уступить ему первое место в экономической и технологической мощи на планете и стали пытаться «загнать джинна обратно в бутылку», серьёзно затормозив темпы его развития. Однако именно сложившееся на данный момент колоссальное взаимопроникновение американской и китайской экономики делает эту цель крайне сложной. Поэтому, несмотря на то что имеющийся военный потенциал Китая бесконечно далёк от американского, о каком-либо масштабном конфликте между ними, не только военном, но и экономическом, говорить в обозримом будущем не приходится. Любые серьёзные экономические санкции одной из этих стран против другой обернутся экономической катастрофой для обеих. Россия же, в отличие от Китая, до сих пор существует лишь по причине наличия у неё ядерного потенциала, сопоставимого с американским.

* * *

В этих условиях главной целью Запада во главе с США является постепенное экономическое ослабление России, в расчете на то, что, в конце концов, это приведёт со временем к существенному ослаблению и её военной мощи.

Против военной мощи России предпринимаются, разумеется, и чисто военные меры: создание глобальной ПРО после выхода США из соответствующего договора о её ограничении, значительные усилия по укреплению вооружённых сил в количественном и качественном выражении, сужение кольца военных баз вокруг наших границ и формирование политических условий для создания таких баз в будущем (расширение НАТО на Восток).

Производятся также непрерывные попытки пов-

лиять на внутривнутриполитическую ситуацию в России с целью прихода к власти прозападных деятелей. Для этого Запад использует своё подавляющее преимущество в применении интернета как инструмента пропаганды, а также материальную заинтересованность огромной части так называемого «креативного класса» в сотрудничестве с Западом в самых разных формах и направлениях. Заинтересованность, легко объяснимую значительно более высоким качеством предоставляемых там потребительских и профессиональных услуг из-за сохраняющегося цивилизационного разрыва Запада по сравнению с Россией. По этой причине многие деятели искусства, культуры, науки, технические специалисты либо уезжают на Запад, либо, оставаясь в России, но получая подавляющую часть своих зарплат, гонораров, грантов и т.п. из-за рубежа, выступают с большей или меньшей активностью против существующей власти, в поддержку тех политиков, которые, придя к руководству, обеспечат ценной любых уступок Западу, сколь бы катастрофичны они не оказались для будущего страны, его, хотя бы временное, благосклонное отношение к России, а для самих этих деятелей – продолжение комфортного существования «здесь и сейчас».

* * *

Следствием враждебного отношения Запада во главе с США к России, обусловленного, как было показано выше, сочетанием её природных богатств и отсутствием с ней тесных экономических связей из-за её географической инвестиционной непривлекательности, явилось также отношение к ней постсоветских государств и ряда государств Восточной Европы. Эти страны, так же, как и Россия, унаследовали от социализма устаревшую и неконкурентоспособную в условиях открытости мировому рынку экономику.

Для преодоления или хотя бы уменьшения своей отсталости от стран Запада им предстоял небыстрый и сложный путь экономических реформ, требующий больших усилий и квалифицированных, взвешенных решений от руководства этих государств и определённых жертв со стороны населения. Всё это было чревато той или иной степенью политической и социальной нестабильности. Но очень скоро, практически сразу после распада СССР и получения этими странами независимости, их политические элиты увидели для себя и своих стран другой, очень соблазнительный своей кажущейся лёгкостью и эффективностью путь: предложить себя Западу в качестве форпостов в противостоянии с Россией в расчёте на значительную плату от Запада за это в виде экономической помощи, ускоренной интеграции в западные

экономические структуры и прочие предпочтения.

С другой стороны, сам Запад с самого начала их независимого существования склонял постсоветские страны к проведению именно такой политики, не скупясь при этом на обещания. Так и произошло. Практически все постсоветские государства встали на этот путь. Правда, в силу различающихся внутренних и внешних условий разные государства вступили на этот путь в разное время, с разной скоростью и с разной степенью откровенности в своих стремлениях максимально вредить России везде и во всём, где только можно, повышая, таким образом, в глазах Запада свою цену и свою значимость в борьбе с «общим врагом».

* * *

Известно, что на уровне международной политики моральные нормы и критерии не работают. Действительно, если при столкновении эгоистических интересов двух конкретных людей нормы морали и голос совести порой заставляют сильнейшую сторону идти на компромисс и учитывать интересы противоположной стороны даже тогда, когда преимущество в силе позволяет этого не делать или держать данное другой стороне слово или обещание, даже если это стало в какой-то момент невыгодно и подобное поведение приносит заслуженное уважение окружающим, то на межгосударственном уровне подобные понятия не действуют. Ведь «благородство», «честность», «благодарность за помощь в прошлом» и т.п., проявленные руководителем одного государства по отношению к руководителю другого, и даже по отношению к другому народу в целом, совершаются им не за свой счёт, а за счёт своего народа, интересы которого он, с точки зрения той же морали, должен соблюдать в первую очередь, а не жертвовать ими в пользу даже традиционно близкой, даже «братской», но другой страны. Поэтому такие вещи, как обман, коварство, нарушение договорных обязательств, даже союзнических, если они приносят ощутимые преимущества политического, экономического, стратегического или военного характера, будут встречаться внутри страны политической элитой и определённой частью населения с уважением и благодарностью, как проявления политической мудрости, дипломатического искусства и верного служения своему народу. Об этом писал ещё Макиавелли, и подобные «принципы» в политике, тем более в международной, работают до сих пор, независимо от того, нравятся нам это или нет.

Но хотя правящие круги всех стран это прекрасно понимают, в пропагандистских усилиях по объяснению своей политики населению они часто пытаются обосновать её сплошь и рядом помимо экономичес-

ких выгод и моральными категориями, учитывая, что правдивые объяснения в некоторых случаях могут показаться для определённой части населения слишком циничными и не приведут к достаточно массовой поддержке такой политики. В случае с антироссийской позицией постсоветских государств главный её мотив, будучи высказан прямо, звучал бы очень непривлекательно для человеческого восприятия (хотя и абсолютно нормально с позиций политической практики): «Стремление построить своё счастье на чужом несчастье». Поэтому он заменяется другим тезисом: «Молодое независимое государство стремится к прогрессу, в объятия Европы, а отсталая Россия, руководствуясь своими неизжитыми имперскими амбициями и чуть ли не стремлением возродить СССР, этому всячески препятствует. Следовательно, Россия – враг». Между тем ясно, что стремление «молодых стран» в Европу (в ЕС и в НАТО) и их попытки максимально навредить России – это единый и неразделимый процесс, две стороны одной медали. Не будет антироссийской политики – никому они не будут нужны в Европе в обозримом будущем. Не будет сближения с Европой – не нужно будет платить за это цену в виде антироссийской политики (а цена за ухудшение добрососедских отношений сама по себе всегда существует).

* * *

Рассматривая события на Украине, мы видим проявление той же самой схемы – помощь Запада в обмен на русофобию. Несмотря на весь цинизм этой схемы, если рассматривать её лишь с позиций материальных интересов, то для значительной части, если не большинства, украинского населения она представляется очень привлекательной. Единственное, чего ей не хватает, как говорилось выше, – это морального обоснования.

Даже отдельно взятый человек, делая какую-нибудь подлость, очень часто склонен придумывать для неё какое-нибудь оправдание. Тем более это относится к широким народным массам.

Таким обоснованием для немецкого народа во времена фашизма являлась идея расового превосходства. В силу тех же причин для значительной части украинского населения ненависть к России и русским просто необходима. Именно этим, а не только правительственной пропагандой, объясняется столь стремительное по историческим меркам победное шествие по Украине бандеровской идеологии, бывшей на протяжении многих десятилетий ранее вполне маргинальным явлением на её территории. Дело не в силе этой идеологии, а дело в крайней востребованности хоть какого-нибудь предлога для ненависти к России. Этим объясняется и подчас упорное

сопротивление нашим войскам в ходе СВО. Уж слишком большой это соблазн – поверить обещаниям правительственной пропаганды жить в самое ближайшее время «как на Западе», заплатив за это такую «малость», как помощь Западу в нанесении максимально возможного вреда и ущерба России, а заодно и «своим» русским как её возможным потенциальным сторонникам.

* * *

Таким образом, огромное количество явлений и процессов, происходящих как в самой России, так и связанных с ней событий на международной арене, некоторые из них при определённых обстоятельствах могут повлиять на интересы и даже на судьбы всего человечества, оказывается следствием «Горькой теоремы». На первый взгляд, в это трудно поверить. Несмотря на приводимые доводы, против такого вывода возникает какой-то интуитивный протест. Как бы ни была велика в нашей жизни роль географических факторов, но не до такой же степени! Но всё это только на первый взгляд. Если посмотреть внимательнее на Историю Человечества, то мы поймём значительно глубже колоссальную роль в ней географии.

Почему в каких-то частях планеты первые цивилизации возникли раньше, в других – значительно позже, в третьих (например, в тундре) – практически не возникли совсем? Соответственно, почему их дальнейшее развитие после возникновения происходило существенно разными темпами?

В поисках ответа на эти вопросы мы, в конце концов, найдём его именно в географии. Причём на 100 процентов. В качестве примера сравним два континента – Евразию и Америку. Почему цивилизации в Америке (хоть Северной, хоть Южной) возникли гораздо позже, чем в Евразии, и, соответственно, к моменту открытия Америки европейцами достигли в своём развитии неизмеримо меньших успехов? Как ни удивительно, но во многом на это повлияла даже сама форма двух континентов: Америка вытянута почти на половину земного шара с севера на юг, а Евразия вытянута примерно на такое же расстояние, но с запада на восток. К чему это привело? Скорость развития цивилизаций на раннем этапе сильно зависела от интенсивности перемещения людей между разными регионами, что приводило к знакомству с другими племенами и народами, обмену опытом, знаниями и товарами, к освоению новых территорий и т.д. В условиях Евразии такие перемещения могли происходить приблизительно на одной широте, в сходных климатических условиях, не требующих от людей кардинальных изменений в образе жизни, питании, одежде, что обеспечивало

относительно бóльшую лёгкость таких путешествий, чем путешествия с юга на север (или обратно), при которых приходилось бы пересекать различные климатические пояса, постоянно попадая во всё новые природные условия, неожиданные и непривычные для тех людей.

Именно поэтому контакты между жителями разных частей Америки были значительно менее интенсивными, а их знания о других территориях своего континента – значительно более ограниченными, чем для племён и народов Евразии.

Другой, также связанной с географией, причиной цивилизационного отставания народов Америки (и Африки южнее Сахары) явилось отсутствие в этих регионах животных, поддающихся приручению и одомашниванию. Особенно – тягловых. С последним обстоятельством связано и отсутствие колеса у народов Америки и тропической Африки, роль которого в развитии техники трудно переоценить.

* * *

Возвращаясь к нашей стране и нашим далёким предкам, мы видим крайнюю удалённость Древней Руси от Средиземноморья – колыбели европейской цивилизации, с его благодатным климатом, обеспечивающим быстрый рост населения и его высокую плотность, лёгкость перемещений по морю на сравнительно большие расстояния, множеством проходящих там торговых путей. Именно подобные условия и явились той идеальной средой, в которой могли и должны были быстро развиваться первые цивилизации. При этом единственный торговый путь в Восточно-Европейской равнине, «Путь из варяг в греки», возник лишь в начале 9-го века н.э., был сложным, длительным и опасным, являясь бледной тенью торговых путей, существовавших в районе Средиземноморья уже много столетий. Тем не менее лишь благодаря его созданию спустя несколько десятилетий в самой середине этого пути возникает Киевская Русь.

Отставая уже в момент своего создания от европейских стран – наследниц римской и греческой цивилизаций – на многие столетия, Киевская, а затем и пришедшая ей на смену Московская Русь лишь увеличивали на протяжении последующих столетий это своё отставание. Причины всё те же: низкая плотность населения, живущего в удалённых друг от друга небольших деревнях и городищах, имеющего крайне слабые связи между собой и практически никаких – с внешним миром, суровые климатические условия, вынуждающие жителей тратить в борьбе за существование практически всё время и все силы.

Все эти географические факторы не способство-

вали возникновению и развитию ремёсел, торговли и даже самого простого разделения труда. Каждый сельский житель вынужден был делать всё необходимое для своей жизни и жизни своей семьи самостоятельно. Наиболее трудные работы жители выполняли сообща.

Последовавшее затем почти трёхсотлетнее монгольское иго принято считать одной из важнейших причин дальнейшей отсталости Руси. Но это верно лишь отчасти. Само иго было не столько причиной, сколько следствием сильнейшей отсталости и слабости Древней Руси к моменту завоевания. Поэтому оно и не встретило на Руси такого сильного сопротивления, какое встретило при попытке продвигаться в более западные территории Европы, где было остановлено.

Проведённые через несколько столетий Петром Первым косметические реформы страны не ускорили её развития. Они лишь дали возможность правящему классу пользоваться атрибутами чужого прогресса. Настоящее догоняющее развитие началось в России только в 60-е годы 19-го века, после отмены крепостного права и других реформ Александра Второго. И как уже говорилось выше, в этот период и до 90-х годов 20-го века (распада социалистической экономики и открытия Россией своего рынка другим странам в условиях глобализации) «географическое проклятие» России практически не влияло на развитие её экономики. Другие влияющие факторы разной направленности оказались неизмеримо сильнее.

* * *

Но с открытием Россией в эпоху глобализации сразу после ломки социалистической системы своего внутреннего рынка зарубежным товарам её относительная непривлекательность для инвестиций предопределила единственно возможный путь выживания – формирование сырьевой модели экономики. Остатки советской производственной базы, не рассчитанные на работу в условиях рынка, очень быстро проявили свою неконкурентоспособность и прекратили существование. Почти всё необходимое стране и народу стало приобретаться по импорту за валюту, полученную в основном от продажи энергоносителей.

Это была очень простая и эффективная экономическая модель, которая в условиях распада СССР, разрыва хозяйственных связей между предприятиями и регионами и последовавшей за этим почти полной остановкой функционирования производственного сектора страны, привела к существенному росту уровня жизни населения по сравнению с началом 90-х годов, к серьёзной модернизации инфраструк-

туры, а в более широком плане – спасла страну от почти неизбежной экономической катастрофы. Но у неё был один существенный недостаток: существование страны в условиях этой модели целиком и полностью зависело от «благосклонности» Запада и его согласия на получение Россией необходимых ей товаров из-за рубежа.

Однако в намерения Запада никогда не входило поддерживать такие экономические отношения с Россией до бесконечности.

Он ждал и старался максимально приблизить тот момент, когда практическое отсутствие у России собственной производственной базы начнёт серьёзно сказываться на количестве и качестве её стратегического оружия. После чего можно было бы легко отрезать Россию экономическими санкциями (предлог для которых можно найти всегда) от жизненно необходимых ей товаров.

В результате в стране должны возникнуть сильнейшие дестабилизирующие процессы с последующим крахом государства, распадом страны, гуманитарной катастрофой с необратимыми последствиями для самого существования её народа.

При необходимости это могло бы сопровождаться на том или ином этапе обезоруживающим военным ударом.

Короче говоря, подобная, вполне «комфортная» для власти и населения экономическая модель обрекала Россию и её народ рано или поздно на катастрофу.

Единственным спасением для России от такого неизбежного финала являлось и является коренное изменение внутренней и внешней экономической политики, основанное на максимально ускоренном переходе к импортозамещению наиболее важных для народа и государства товаров.

Это предполагает резкое ограничение импорта путём, прежде всего, значительного увеличения ввозных таможенных пошлин на такие товары, максимальное стимулирование внутренних инвестиций в производство таких товаров внутри страны и, к сожалению, неизбежное увеличение государственного вмешательства в экономику путём прежде всего государственных инвестиций в соответствующие её отрасли. Последняя мера будет иметь и отрицательные побочные последствия для общества в виде увеличения экономической основы для коррупции и недостаточной эффективности государственных инвестиций по сравнению с частными. Но обойтись без этого длительное время будет невозможно, так как масштабы стоящих задач настолько велики, что одному лишь частному российскому бизнесу они пока явно не по плечу.

Однако в течение длительного времени принятие подобных экономических мер было практически не-

возможно по причинам внутриполитическим.

Эти меры неизбежно привели бы к существенному снижению уровня жизни населения, уже хотя бы в силу одного того обстоятельства, что вновь появившиеся на внутреннем рынке отечественные товары были бы заметно дороже и при этом хуже по качеству, чем уже привычные населению импортные.

Кроме того, необходимость мобилизации государством огромных дополнительных ресурсов на создание и модернизацию отечественного производства неизбежно сузило бы его возможности по расходам на социальную сферу и по мерам социальной поддержки населения.

Ни одна власть, сколь бы серьёзна ни была её поддержка в обществе, никогда не решилась бы на подобные меры. А решившись – не продержалась бы долго. Но, как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Запад совершил серьёзную ошибку в своей антироссийской политике.

Первоначально он проводил её в довольно осторожной форме, «играя в долгую». Исходя из его вышеобозначенных целей, так следовало действовать и в дальнейшем. В этом случае Запад рано или поздно получил бы то, к чему стремился, – исчезновение России с политической, экономической и военной карты мира. Но на каком-то этапе он решил ускорить процесс, стал проявлять по отношению к России больший напор, большее давление, делая намерения максимально её ослабить более явными. Это стало выражаться и в усилении ограничений на покупку Россией передовых технологий, и в постепенном введении всё новых и новых экономических санкций, и в военных мерах (расширение НАТО на Восток, выход из ряда договоров об ограничении вооружений), в усилении пропагандистской антироссийской кампании, а в конце концов – в попытках использовать территорию и население Украины в военном противостоянии с Россией.

Последовавший за этим процесс постепенного обострения отношений России с Западом, череда мер и контрмер привели в конечном счёте к объявлению Россией на территории Украины Специальной военной операции. За этим последовали огромные по своим масштабам экономические санкции Запада против России. Безусловно, эти санкции сделали уже и сделают в ещё большей степени в будущем «больно» российской экономике и российскому народу. Но, с другой стороны, запустив цепочку санкций (и наших контрсанкций), Запад своими руками создал для нашей экономики те условия, которых не могла решиться создать сама российская власть: отгородил в огромной степени Россию от возможности жить за счёт импорта, просто вынуждая её заниматься импортозамещением.

* * *

Судя по всему, российское руководство, несмотря на явно имеющиеся внутри него разногласия, либо уже вступило на этот путь, либо собирается это сделать. И на нём России неизбежно предстоит столкнуться с очень большими трудностями и противоречиями. Вот некоторые, наиболее очевидные, из них.

Прозападные (а следовательно – антироссийские) настроения большей части российского бизнеса. Это совершенно естественное явление для России, в которой почти полностью отсутствует созданная отечественным бизнесом производственная база. Там, где она присутствует в значительном объёме, она заставляет владеющий ей бизнес, заботясь о её сохранности, быть в кризисные периоды вместе со своей страной. Тогда как российская торгово-финансовая буржуазия сплошь и рядом зависит от экономических и политических структур Запада гораздо сильнее, чем от своей страны. Безусловно, эти круги по своей воле или под давлением их западных партнёров окажут значительное сопротивление любой неугодной Западу политике государства.

Значительная степень истощения кадрового научно-технического потенциала. Многие талантливые представители научных работников и высококлассных технических специалистов либо умерли, либо достигли преклонного возраста, либо уехали из страны в погоне за более высокими доходами. Молодёжь, которая должна была бы прийти им на смену, в массе своей стала отворачиваться от технических и технологических специальностей, ориентируясь во всё большей степени на экономику, торговлю, менеджмент, юриспруденцию и т.п.

Недостаточная численность населения. Большие масштабы производства для многих товаров часто являются условием их рентабельности. Недостаточная численность населения и вызванная этим недостаточная ёмкость рынка может стать проблемой окупаемости таких производств даже в условиях их защиты от иностранной конкуренции. Что потребует соответствующих субсидий из бюджета в тех случаях, когда такая продукция является для страны жизненно необходимой. Кроме того, чем меньше численность населения страны, тем, при прочих равных условиях, меньше численность и наиболее талантливой его части, способной к инновациям, изобретениям, научным открытиям и т.п.

Необходимость чрезвычайно высокой степени диверсификации промышленности. В условиях глобализации мир всё больше напоминает единую фабрику, где благодаря огромной степени международного разделения труда создаётся возмож-

ность, даже для самых технически развитых стран, использовать в производстве своей продукции детали, узлы и комплектующие из других частей планеты. Для России такой путь оказывается в значительной степени ограниченным. Слишком многое придётся делать самим.

Отсутствие необходимой степени единства в обществе в отношении к новому экономическому курсу.

В России постепенно формируется новое поколение, в своей значительной части лишённое исторической памяти, знания своей страны, уважения к ней и её культуре, истории, народу. В какой-то степени это объективное побочное следствие глобализации, затронувшее и многие другие страны мира, но частично – результат целенаправленного влияния антироссийской пропаганды в условиях политической борьбы Запада против России с целью максимально возможной дестабилизации её внутривнутриполитического положения.

Как бы то ни было, но сейчас любые, даже самые аргументированные и очевидные в своей необходимости лозунги и призывы пойти хоть на какие-то жертвы и неудобства, чтобы не допустить гибели страны в будущем, у определённой части общества не только не находят никакой поддержки, но и встречают более или менее активное сопротивление. Нежелание поступаться и в малой степени своими материальными интересами даже за то, за что их предки порой отдавали свои жизни, является, к сожалению, тенденцией. Причём это касается прежде всего как раз наиболее материально благополучной части населения. Невольно вспоминается «Человек из подполья» Достоевского с его риторическим вопросом: «Миру ли провалиться или мне чаю не пить?»

От того, удастся ли государству и оставшейся здоровой части общества эту тенденцию остановить и повернуть вспять, зависит во многом успех или неуспех нового экономического курса.

Несоответствие российской политической системы характеру и масштабам стоящих перед страной задач.

Является ли Россия демократической страной? Смотря с чем сравнивать и какие критерии использовать для оценки. Демократия, как и свобода, относятся к таким понятиям, которые легко определить и «измерить» лишь в случае их отсутствия. В подобных ситуациях очень легко констатировать, что демократии или свободы определённно нет. Но когда они присутствуют, «измерить» степень их наличия, так же, как и степень их желательности и даже допустимости в каждом конкретном случае, совсем непросто.

Что касается России, то в период новой экономической политики, которую очень коротко и очень упрощённо можно ещё назвать «госкапиталисти-

ческим выбором», нынешний «объём» демократии, как бы его ни оценивать и ни измерять, представляется избыточным.

Предстоящие преобразования, которые необходимо совершить в стране со значительным участием государства, неизбежно будут длительными и непростыми для населения. Ситуация, при которой где-то в середине этого процесса, спекулируя на его неизбежных проблемах и в результате популистских, но несбыточных и лживых обещаний их лёгкого и быстрого решения, к власти приходит оппозиция и начинает проводить противоположную экономическую политику, очевидно, является абсурдной. С другой стороны, примет ли современное российское общество слишком крутой откат от того уровня демократии, который имеется сейчас в России? И удастся ли найти некий баланс между этими двумя крайностями?

* * *

Как видим, препятствий и проблем на пути нового экономического курса будет немало. Удастся ли их преодолеть? Во всяком случае, альтернативы этому курсу не существует.

Альтернативы могут быть лишь в конкретных методах решения конкретных проблем.

Образно говоря, Россию можно сравнить с человеком, оказавшимся далеко от берега в результате кораблекрушения. Единственная его надежда – доплыть до берега. Как бы ни было велико расстояние и как бы ни были малы шансы доплыть, никакого другого выбора у него нет, кроме как стремиться к берегу и надеяться на успех.

* * *

Очевидно, что всё здесь изложенное является прямо или косвенно следствием «Горькой теоремы». И практически все выводы и оценки прошлого, настоящего и будущего постсоветской России пришлось бы серьёзно поменять, иногда даже на противоположные, окажись эта «Теорема» не верна. И автор настоящей статьи был бы только рад этому и с удовольствием изменил бы очень многое в своих взглядах.

Однако пока, к сожалению, суровая реальность слишком очевидна, чтобы в ней сомневаться.

Но это «пока». А в будущем?

Неужели своё «географическое проклятие» России суждено нести всегда?

Вполне возможно, что такой вывод является всё же излишне пессимистичным.

Уже сегодня видны определённые тенденции в развитии цивилизации, постепенно делающие

географические и климатические факторы менее значимыми.

Прежде всего, это стремительное развитие IT-технологий, особенно – программного обеспечения, а также повышение наукоёмкости техники и технологий во многих других сферах.

И курс Российского государства на максимальное использование этой тенденции, создание для её усиления максимально благоприятных экономических условий и стимулов, будь он своевременно выработан и последовательно проведён в жизнь, мог бы со временем стать тем драйвером ускоренного прогресса, который был бы способен вывести страну в группу производственных и технологических лидеров человечества. В частности, это предполагает необходимость опережающего роста расходов на науку и образование, значительного повышения престижа и материальной обеспеченности такой деятельности, стимулирование научно-технических разработок с применением в том числе методов программно-целевого планирования, вовлекающего в свою орбиту как частные, так и государственные инвестиции.

* * *

Напоследок хотелось бы затронуть один любопытный вопрос. Как бы ни относиться к «Горькой теореме», но ведь речь идёт об очень серьёзных вещах.

Все мы много раз были свидетелями, как в средствах массовой информации, в выступлениях известных политиков и общественных деятелей активно поднимались и обсуждались вопросы и проблемы хоть и важные, и интересные для общества, но значение и масштаб которых даже в ма-

лой степени не сравнимы с вопросами и проблемами, поднятыми в статье Андрея Паршева.

Хотя, в конце концов, дело даже не в самой статье как таковой. Она могла и не появиться. Но поднятые в ней вопросы объективно присутствуют в нашей жизни. При этом вокруг них как будто существует заговор молчания. На эту тему никогда не высказывались ни представители власти, ни оппозиция. В чём здесь причина? А состоит она в том, что со стороны любой власти публичное признание данных реалий, во-первых, не добавит населению оптимизма, во-вторых, будет воспринято значительной частью общества как стремление оправдаться и уйти от ответственности за нерешённость многих социально-экономических проблем страны.

Никакая власть не хочет терять свою популярность и свои рейтинги среди населения. По схожим причинам молчит об этом и официальная оппозиция, представленная входящими в Думу партиями. Что касается «внесистемной оппозиции», а также западных и прозападных пропагандистов, то для них сама мысль о том, что в проблемах России могут быть виноваты, кроме ненавистного ими Путина, какие-то объективные обстоятельства, является совершенно неприемлемой и неуместной в их усилиях по борьбе с «режимом».

Но, по большому счёту, этот «заговор молчания» не такая уж проблема для страны. В данном случае важно не столько то, что власть говорит, сколько то, понимает ли она суть проблемы. Судя по уже принятым ею два года назад серьёзным мерам, стимулирующим деятельность IT-компаний, последним её решениям в экономической, внешнеполитической и военной областях, похоже на то, что понимает. □

Сергей ФЕСЕНКО

родился в г. Воронеже в 1955 году.

Окончил экономический факультет Воронежского госуниверситета.

*Работал программистом,
главным бухгалтером малых предприятий.*

*Хобби – история, экономика,
политика, стихи, публицистика.*

*Публиковался в журналах: «Подъём», «Невский альманах»,
«Дальний Восток», кишинёвском журнале «Наше поколение».*

В журнале «Север» публикуется впервые.

